

Владимир Проскурин

«ТРОЙКА МЧИТСЯ УДАЛАЯ...»

*180 лет со дня рождения Н. Н. Каразина,
деятеля литературы и искусства*

Н. Каразин

Академик живописи Николай Каразин

Каразинские «Очерки Сибири», опубликованные в нескольких выпусках журнала «Нива» в 1875 году и сопровождающиеся его же рисунками, полны удивительных, точных, сокровенных сцен. Перечитывая увлекательный рассказ самобытного писателя и художника-этнографа, внимательный читатель убеждается, что Николай Николаевич Каразин живо откликался на злободневные темы, события, явления Туркестана, Степного края, страны Семиречья и города Верного (ныне Алматы). Этой историко-географической точке на маршрутах кругосветных поездок Каразина мы посвятим отдельные страницы.

Частые путешествия Николая Каразина совместно с друзьями и коллегами по Семиречью – в живописную Иссык-Кульскую долину завершались прохождением мрачного Боомского ущелья и не менее трудного перевала Кастек. Изобилуют дневники

прекрасными, радужными акварелями достопримечательностей гор Алатау – «В дороге», «Ущелье Кастек», «Гора Каскыр-тау», «На Кастекском перевале», «Берега озера Иссык-Куль». Жаль только, что черно-белая печать былого времени не может передать красоту рисунков, сделанных в дневниковых записях.

Каразин пишет в дневнике пером и рисует кистью с натуры: «...Мы положительно не в состоянии были продолжать свой путь дальше; экипажей с нами не было – а верхом, не отдохнув как следует, пускаться было бы более чем

безумием...» То была почтовая дорога через кряжистые, снежные хребты Ала-тау. Путешественники поднимались днем и ночью трудным перевалом Кастек (2435 м) из Чуйской долины, от бывшей кокандской крепости Токмак до вновь устроенного военного пикета Кара-Кастек близ укрепления Верное. Позднее, когда кокандские крепости станут российскими городами Пишпек (Бишкек) и Токмак, дорога из Чуйской долины пройдет более безопасным перевалом Курдай (1233 м) среди Чу-Илийских гор.

«Усталые, измученные до последней степени утомительным двухсуточным переездом... – продолжает описывать поездку Николай Каразин, – каждый из нас смотрел на конское седло как на что-то ужасное... Если бы каждому из нас предлагали золотые горы, и то вряд ли бы кто-нибудь согласился снова взбираться на спину лошади. А между тем нам надо было попасть в Верное...

Старый седой урядник сибиряк [Головин] объявил нам, что у них есть что-то вроде саней, да еще в двух экземплярах, и что если мы заплатим им как следует, то они возьмутся довести нас до самого Верного на этих санях – и могут даже пуститься в дорогу немедленно...

Часа через два возни, крику и сборов на дворе землянки нам объявили, что все готово. Перед нами стояли две тройки, запряженные действительно во что-то похожее на сани-розвальни... Сена было положено вдоволь – и когда мы улеглись на эту мягкую подстилку, то наши экипажи показались нам несравненно удобнее всяких венских дормезов (т. е. дорожных карет, приспособленных для сна в пути. – В. П.) с подушками и выдвижными кроватями.... Правда, что мы лежали на высоте не более пяти вершков от земли и что комья снега, летевшие из-под копыт лошадей, обсыпали нас с ног до головы: но это было сравнительно такое незначительное неудобство, что об этом не стоило заводить и речи.

Залегли, завернулись с головою своими бурками и тронулись...»

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, виясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!..

«...и вот мерещатся мне ряды теплых русских изб – высокие коньки... шпиль деревенской церкви... радушные, приветливые огоньки в окнах... лай собак.

– Тпру!.. – раздался голос ямщика...

За этим возгласом слышен усиленный тревожный стук в ворота... скрип... голоса... “Вынимай из саней – неси всех в избу проворнее... баню истопить... одежи дайте сухой... Эй, бабы! возжайтесь проворнее... Авдотья, тащи сапоги”...

Теплый воздух, пропитанный запахом овчины и горячего хлеба, охватил меня со всех сторон...

Я раскрыл глаза. Свет утреннего солнца, только что выглянувшего из-за горизонта, ярким лучом врывается в окно – и полосой тянулся по чистому досчатому полу, поднимался по гладко выбеленной русской печи, расползшейся чуть не в половину избы... Целый иконостас почерневших от времени образов и старых крестов высился в переднем углу, и красноватое пламя лампадки освещало темные пятнистые лики святых. На выстроганных бревенчатых стенах пестрели знакомые суздальские произведения, изображающие очень больших

генералов на конях и очень маленьких солдат, марширующих под этими конями... Здоровая баба раздувала самовар и пыхтела на всю избу, а другая накрывала стол чистой скатертью и ставила водку и принадлежности... В печи на разные лады скворчала и шипела яичница, и кипело что-то в чугуне, испуская целые клубы ароматического пара...

...Находились мы в казачьей станице Любовной (Каскелен. – В. П.), в первом русском селении на нашей азиатской границе...» Мы – это походная компания из художника Каразина, знакомого топографа, двух приказчиков купца Хлудова, общего слуги и проводника-киргиза... «По приезде в Каскелен мы только и думали, как бы напиться горячего чая и поесть похлебки с бараниной, радушно предложенной нам обитателями. С удовольствием приняли предложение радужного казака попариться в его только что истопленной бане...»

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Н. Н. Каразин родился 27 ноября 1842 года в слободе Ново-Борисоглебской Харьковской губернии, в старинных пенатах каразинской почетной родни, среди известных деятелей истории и культуры. Сам он стал признанным академиком петербургской Академии художеств, одним из лучших в России акварелистов и иллюстраторов книг. Состоял членом Русского географического общества, совершил путешествия в Среднюю Азию и Казахстан (1874, 1879), в Индию и восточные страны (1890–1895).

Николай Каразин был знаком с замечательными людьми, многие из которых составляли гордость России, – генералами Г. А. Колпаковским, М. Д. Скобелевым и А. Н. Куропаткиным, художником В. В. Верещагиным и театральным критиком В. И. Немировичем-Данченко.

Каразин – создатель многих акварелей и очерков в журналах «Нива», «Дело», «Всемирная иллюстрация». Современники называли его с благодарностью и почтением то «певцом русского Туркестана», то «русским Гюставом Доре». Наследие Каразина огромно, его составляют до четырех тысяч картин и рисунков, виньеток, акварелей, которые легли в основу первых российских почтовых открыток, а также 20-томное собрание литературных сочинений – романы, повести, очерки, рассказы.

Среди книг Каразина назовем сказку «С севера на юг. Путевые воспоминания старого журавля» (вышла в 1890 г.), написанную в форме рассказа бывшего у костра – воспоминаний старого журавля о первом перелете крылатой стаи из России на зимовку в Африку. Это не только сказка, рассказанная автором любимой дочке, но и книга по истории и географии, знакомящая юного читателя с местами, над которыми пролетают журавли. О путешествиях Нильса с гусями, описанных Лагерлёф полтора десятилетия спустя, сегодня известно во всем мире, а вот приключения старого журавля забыты даже в родном Отечестве...

ИЗ ВОЕННЫХ – В ХУДОЖНИКИ

Окончив Московский кадетский корпус и спустя несколько лет военной службы выйдя в отставку, Каразин становится вольноприходящим учеником Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге. Его наставником в

батальной живописи был профессор Богдан Павлович Виллевальде (1818–1903), возрадивший не одно поколение известных художников. Но жажда рисовать в Каразине сопутствовала его потребности писать, странствовать и совершать военные подвиги во славу Отечества, и в 1867 году он возвращается на службу и едет в Азиатскую Россию, далекий дотоле Туркестанский край. Здесь Каразин принял участие в походе на Бухару как командир одной из рот 5-го Туркестанского линейного батальона. За мужество, проявленное в боях на Зербулакских высотах (1868), молодой штабс-капитан Каразин был удостоен золотого оружия с надписью «За храбрость».

В 1870 году капитан Каразин переводится в 4-й Туркестанский линейный батальон, а год спустя вновь выходит в отставку, на сей раз – окончательно. С этого времени начинается литературная и художественная деятельность Каразина, которой он посвятил всю оставшуюся жизнь...

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ИССЫК-КУЛЕ

Любопытно отметить вклад Каразина в историческую науку. По распоряжению генерала Герасима Алексеевича Колпаковского, одного из основателей подводной археологии Иссык-Кульского края, группа энтузиастов отправляется «для собрания сведений как по части топографической, так и по части естествознания». Среди рекомендованных специалистов – коллежский секретарь А. В. Буняковский, топограф поручик Н. Е. Китаев и штабс-капитан Н. Н. Каразин, известный уже в то время писатель и художник.

3 ноября 1871 года Колпаковский высылает в Ташкент докладную записку генерал-губернатору К. П. фон Кауфману, что найдены археологические трофеи: медные (бронзовые) чаши и серебряные монеты, что «...загадочность Иссык-Куля с каждым годом усложняется и побуждает меня вновь заявить мысль о необходимости исследования... Для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение коего посредством частных средств более чем сомнительно. Не будет ли позволено выписать этот аппарат на кульджинские доходы?». Кауфман благосклонно отнесся к этому предложению. По его распоряжению чаши были оставлены в Ташкенте в качестве экспонатов для будущего музея, монеты переправлены на исследование в Археологическую комиссию С. Г. Строганову.

Н. Н. Каразин. Берега озера Иссык-Куль.
Грав. Куренков.

А на счет водолазного аппарата решили обратиться в Кронштадт к генерал-майору К. Я. Звереву, строителю знаменитой крепости. Имевшиеся водолазные скафандры были старой конструкции, приобретены более десяти лет назад, громоздки и не подходили для подводных археологических исследований. Зверев выслал Кауфману описание современных водолазных костюмов, наиболее совершенные из которых предлагал закупить в Англии или Франции.

К ВСТРЕЧЕ ЦЕСАРЕВИЧА

В 1891 году Каразин решил собрать набор картин важнейших событий трехвековой службы сибирского казачества. Было изготовлено 27 полных подарочных комплектов, 126 акварелей, а также 16 листов с пояснительными текстами под общим названием «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска». Копии с картин Н. Н. Каразина и выполнение альбомов взял на себя австрийский подданный Николай Михайлович Лоренкович – в 1868–1892 годах питерский фотограф, известный мастер портрета деятелей России.

В июле 1891 года в Омске встречали будущего императора, государя цесаревича Николая Александровича, Августейшего атамана всех казачьих войск, бывшего здесь проездом во время своего путешествия. В здании Войскового правления Сибирского казачьего войска была устроена выставка подношений Августейшему атаману. По воспоминаниям современника, «...двадцать семь разложенных по особым горкам акварельных рисунков составляли украшение выставки», и цесаревич соизволил внимательно рассматривать каждую из акварелей и милостиво выслушивать краткие разъяснения, даваемые историком казачества Георгием Катанаевым.

Вклад Каразина в художественное оформление подарков цесаревичу от сибирского казачества не исчерпывался батальными акварелями: сцены были частично воспроизведены в медальонах, украсивших подарочное серебряное блюдо с надписью «Августейшему Атаману усердное подношение Сибирских казаков. 1891 г.». И даже на меню торжественного завтрака «на 350 кувертов», данного в Войсковом правлении, красовались выполненные им виньетки на тему военно-казачьего быта.

Кстати, изданный трехтомник «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича, 1890–1891» Эспера Ухтомского, сопровождавшего цесаревича, был также проиллюстрирован Каразиным.

«ТРЕХДНЕВНЫЙ БОЙ ПОД УЗУН-АГАЧЕМ»

Вбирая в свое художественное творчество военно-гражданское строительство, дорожно-транспортное, пароходное движение, быт и традиции народов Степи, Илийской долины, Прииссыккуля, Николай Каразин отразил в картинах изделия местных казачьих ремесел и промыслов, сибирских старожилов на службе и в быту. Здесь Каразин встретился с казаками, прошедшими Туркестанские походы. Для них слово «туркестанец» служило своеобразным паролем, знаком принадлежности к особому боевому братству, синонимом воинской доблести и чести. Недаром под Плевной, в ходе Русско-Турецкой войны 1878–1879 годов, белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев в критические минуты не раз с горечью

восклицал: «Ах, если бы здесь были туркестанские войска!» Будучи в Верном, Ташкенте или Омске, Н. Н. Каразин встречался с героями завоевания Туркестана. Главным центром «северных станиц» бывшего Сибирского казачества стал город Копал. Штаб-квартирой 10-го округа выбрана Алматинская станица, с 1854 года центр южных, заилийских селений.

Надо отметить, что в картинах Каразина под общим названием «Трехдневный бой под Узун-Агачем», сохранились в разноцветье подвиги Георгиевских кавалеров Герасима Колпаковского, Василия Обуха, Ростислава Машина, героев Отечества, сослуживцев 1-го Семиреченского казачьего полка войсковых старшин Дмитрия Шайтанова, Артура Гринвальдла, Николая Главацкого, Эдуарда Гильде, Александра Принца, Петра Щербакова, Павла Иванова. Особо отметим роль тридцати солдат и казаков, в том числе жителей станиц Семиречья, удостоенных солдатского Георгия. Среди славных казаков назовем: Больше-Алматинской станицы – Павел Набоков, Иван Седельников, Алексей Чеусов, Гарифулла Зелимханов, Федор Ульяшев, Семен Крюков, братья Иван и Андрей Лебединские; Каскеленской станицы – Николай Угрюмов и Иван Шаповалов; Софийской станицы – Захар Бедарев и Андрей Монастырев. Все участники дела получили Георгиевский знак и особые знаки на папаху «За отличие в 1860 году».

Напомним, бой произошел 19–21 октября на местности Кара-Кастек. С кокандской стороны участвовал объединенный отряд сераскира (военачальника) Канагат-шаха, численностью в 16 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы дулатов, при 10 орудиях артиллерии. Кстати, начальником «пальбы из пушек и ружей» командовал беглый сибирский казак Евграф (по-кокандски – токсабе Мусульман-куль). Его артиллерия не смогла пройти ущелье Кастек, так как орудия, привязанные кое-как веревками, не выдержали груз, и пушки в бою не участвовали. Художник Каразин в рисунках отметил неудачу неприятеля в сценке «Катастрофа на Кастекском перевале».

С русской стороны выступил Заилийский отряд подполковника Г. А. Колпаковского в 9 рот, 6 сотен, при 9 орудиях и 2 ракетных станках. В бою участвовало 2440 солдат и казаков. Для обороны Верного составлен из добровольцев гарнизон в 5 рот, 4 сотни, при 4 орудиях и 5 ракетных станках. Между прочим, осажденный гарнизон в основном составляли инвалиды, женщины, старики да дети.

Сюжеты известного Узун-Агачского боя осенью 1860 года отобразил Н. Н. Каразин и в сцене «Сотня

Н. Н. Каразин. Катастрофа на Кастекском перевале.
Грав. Крыжановский.

Николая Бутакова выручает стрелков Гилярия Сяркового и Михаила Вроченского». Первым против Кастекского гарнизона следовал войсковой старшина Николай Борисович Бутаков. 18 октября он вступил в бой против Шадман-ходжи, выпустив на поле брани до 6 тысяч воинов. Основное сражение произошло с рассветом 21 октября 1860 года. Штыковой и рукопашный победный бой продолжался 9 часов. В оценке современников, «...двадцатипятилетний Бутаков представлял образцовый тип закаленного и лихого кавалериста... Сотня есаула, стоявшая на Кескелене, была доведена своим сотенным командиром до замечательной степени боевых качеств». Потери со стороны неприятеля составили около полутора тысяч убитых и раненых, среди которых 6 пансатов, то есть пятисотенных воинских начальников. С русской стороны тоже были убитые. Командующий войсками Герасим Колпаковский и офицер Гилярий Сяровский получили в бою ранение и контузию на местности между Каскеленом и Узун-Агачем.

В память битвы под городом Верным в Алматинской станице был сооружен великолепный войсковой храм (с 1911 года, в честь празднования 50-летия битвы, он назывался Узун-Агачским собором). В честь иконы Казанской Божией Матери, под покровом которой была выиграна битва, был построен храм в станице Мало-Алматинской. Село Узун-Агач было переименовано в Казанско-Богородское. В Верном и уездных центрах почтили память, дав наименования ряду городских улиц. На Сауруковых высотах, месте кровопролитного боя поручика Валериана Соболева, фельдфебеля Павла Штинева, фейерверкера Казимира Дудинского, иных защитников редута, была воздвигнута часовня; благоустроена братская могила. В 1905 году на этом месте по проекту архитектора Александра фон Гогена поставлен обелиск в память Узун-Агачской битвы.

КУПЕЦ МИХАИЛ ХЛУДОВ

Спутниками Н. Н. Каразина в его путешествиях, как мы уже отметили, были приказчики московского торгово-промышленного дома «А. И. Хлудов и С-я», отца и сыновей, известных семейным мануфактурным делом. Пережив в Самарканде в июле 1868 года смерть старшего брата Ивана, купец Михаил Алексеевич через год добрался до Афганистана, после чего представлялся императору Александру II и получил орден Св. Владимира 4-й степени. В армии М. Д. Скобелева Михаил Хлудов получил Георгиевский крест. Храбрый адъютант Хлудов, одетый в невероятные восточные хламиды, служил в славянской армии М. Г. Черняева. Причем с туранской тигрицей Машкой, подаренной ему Худояр-ханом. Портрет эксцентричного Хлудова дан в майском 1870 года журнале «Всемирная иллюстрация» (1870 г., т. 3, № 72) по рисунку Н. И. Соколова и гравера Л. А. Серякова, известных художников, изобразивших деятелей и события Заилийского края.

Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885) начинал свою карьеру одновременно с ровесником Каразиным, в той или иной степени осваивая военно-гражданский, торгово-промышленный и литературно-художественный Туркестан. По свидетельству современников, Хлудов был человеком разносторонним, много сделал в Ташкенте для развития театра (был увлекательным рассказчиком, собирал полные залы), стоял у истоков фотографического дела (в дальнейшем – фотосалон «Средне-Азиатская фотография» Николая Нехорошева). Надо отдать

должное одаренному, смекалистому, предприимчивому московскому купцу, напоминающему одного из популярных героев романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

В одном из дневников Хлудова, относящихся к периоду формирования Семиреченской области, читаем: «...из г. Верного, прежней Алматы, выехал я 8 января 1868 г., в понедельник, в час пополудни, по довольно порядочной дороге на село Софийское, расположенное на р. Талгар, оттуда к 6 часам мы прибыли в село Надеждинское на р. Иссык». Торговец Хлудов описал зимнее путешествие по старой караванной дороге через перевал Ассы и Саты в Иссык-Кульскую долину и далее в Кашгар к хану Якуб-беку (в обратную дорогу в Верный Хлудова сопровождал посол Шади Мырза). Между прочим, караван, идущий степью в Туркестанский край, составлял до 16 тысяч гужевых животных, по 3-5 верблюдов на ширину торгового поезда, и до 7 верст в длину колонны.

ГОРОД ВЕРНЫЙ, СТАНИЦЫ НАДЕЖДИНСКАЯ, СОФИЙСКАЯ, ЛЮБОВНАЯ

Путешественник Николай Каразин продолжает вести дневники, сочинять рассказы для многочисленных книг и журналов, описывать и рисовать почтовый путь в начале образования Семиреченской области и Верненского уезда, от бывшей кокандской Чуйской долины до мусульманского Кульджинского края, от пустынной азиатской реки Или до живописных альпийских пейзажей высокогорного Тянь-Шаня. Дорога пролегла через первый город Верный (Алматы), с казачьими станицами Алматинская, Иссык (Надеждинская), Талгар (Софийская), Каскелен (Любовная).

Каразин особо описывает встречу с 98-летним аксакалом, бием Аблаем, и приглашенным к обильному столу кюйши Хасаном. Путешественник замечает: «...в последних числах декабря я со своим спутником кара-киргизом Байтак, 17 лет от роду, выехал из г. Верного. Целью нашей поездки был аул Джергалан. И если позволит время, другие зимовки горных киргизов Иссык-Куля». В зимний поход Каразин и его спутник отправились основательно: «...костюм наш – из теплых полушубков, превосходно выдубленных, настоящих романовских высоких сапог, надетых сверх толстых суконных чулок. И меховых высоких шапок». Кроме обильной провизии были взяты спирт да две бутылки рома местного розлива, производства «васильевского» винокуренного завода Талгара. Алатауские горные ущелья и перевалы Ассы и Санташ, через которые проходил путь Каразина в сопровождении казачьего конвоя, наряду с живописным описанием местности изобилуют зарисовками быта и промысла жителей Семиреченского края.

Один из приездов Н. Н. Каразина в Верный описан в его книге «Из Центральной Азии» и опубликован в 1872 году в январской книжке журнала «Дело». «В Верном, за стаканом ароматного чая, после горячей русской бани, так скоро забылись ужасы и тревоги недавнего путешествия», – заканчивает очерк Николай Каразин.

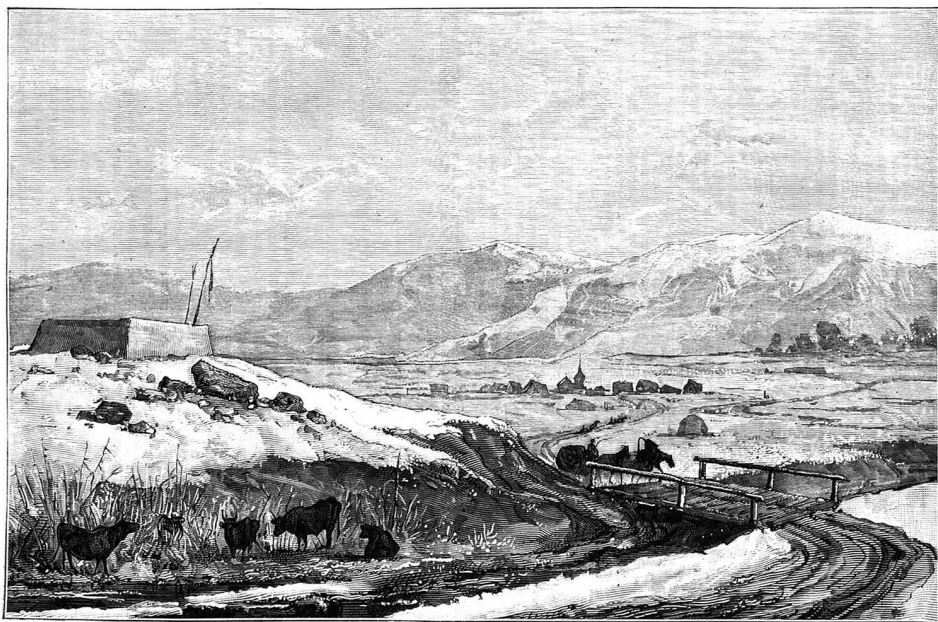
В пору страшного землетрясения 28 мая 1887 года, когда любимый город и его предместья были стерты с лица земли, художник написал рисунки бедствия, описал разрушенные былые достопримечательности.

Любопытно в очерках Каразина описаны станица Софийская и Надеждинская, нелегкий труд местной артели лесорубов, их житье-бытье в горных пещерах и охота семиречков на дикого зверя.

СТАНИЦА ЛЮБОВНАЯ – ПИКЕТ КАСКЕЛЕН

В конце нашего очерка отметим для читателя историю станицы Каскелен – в чехарде чиновных переименований и череде военно-народного управления.

До 1901 года село значилось как выселок Любовная, или Любовинское (с 29 июля 1860 года по 3 июня 1897 года в составе Алматинской станицы Семиреченского казачьего войска, до 1867 года – Сибирского казачества). А первоначально, с 1858 года, называлось пикетом Кескелен или почтовой станцией Любовой. Год основания станицы связан с Узун-Агачским делом, трехдневной битвой с кокандцами (19–21 октября 1860 г.).

Н. Н. Каразин. Станция Любовная (Каскелен). Грав. Ключевский.

В советские годы село превратилось в город Троцкий – в память о Льве Давидовиче Троцком (Лейба Бронштейн). В десятилетие диктатуры пролетариата Страны Советов Троцкий попал в опалу: бывший нарком и основатель Красной Армии стал политическим ссыльным в Алма-Ате. И в годы борьбы кремлевской буржуазии с «троцкизмом» населенный пункт, сменив статус города на село, вновь был переименован с добавлением буквы «и» – село Троицкое.

В 1963–1998 годах Каскелен вновь стал центром Карасайского района Алматинской области. Но это уже другая страница истории...

Первоначально поселенцами Каскелена были 143 семьи сибирских казаков станицы Антоньевской, в составе 6-й сотни 9-го полка Сибирского линейного казачества под началом сотника Круглыхина. По вероисповеданию: на год революции в Семиречье в селе жило 2320 христиан и 33 магометанина. Самостоятельное управление станица получила в 1867 году. Но не сразу. А лишь с

начала 1897 года – времени возвращения войска в Туркестан из Степного края. Во главе администрации были заведующий станицей и атаман (среди первых начальников в разные годы состояли: урядник Головин (имя и отчество не установлены), выслковый атаман Лавр Ионов, заведующий станицей Степан Осипов и станичный атаман Федор Шебалин). В медицинском штате состоял Отарский участковый фельдшер. В 1873 году проведен телеграф Ташкент – Семипалатинск, с управления почты в городе Верном.

В 1866 году в селе поставлена Михаило-Архангельская церковь, первым настоятелем которой стал священник о. Афанасий (Рышкин). В 1879 году открыта Любовинская церковно-приходская школа для мальчиков и девочек. Храмовое здание пострадало при землетрясении 1887 года и было реконструировано в 1900 году по проекту архитектора Я. А. Порошина.

На приведенных в очерке акварельных рисунках Каразина остались сцены почтовой станции Каскелен, дворового крестьянского хозяйства, быта и нравов сельчан, архитектурный вид старинной Михаило-Архангельской церкви.

В окрестностях села в 1858 году были открыты залежи мрамора и извести, декоративного и облицовочного строительного камня, начата добыча колыбташа (агальмотолита). В советское время здесь работал горный комбинат по переработке поделочного камня «Колыбташ», с 1875 года принадлежавший предпринимателю Яну Козелло-Поклевскому. Надо заметить, здесь были изготовлены надгробные плиты, в частности на могилу Чокана Валиханова в урочище Алтын-Эмель. Плита исполнена из местного колыбташа в камнерезной мастерской Леопольда Ластовского, где выпиливались подоконники, ступеньки лестниц, изделия бытового назначения. Между прочим, и Поклевский, и Ластовский, иные специалисты края были ссыльными по делу о Польском восстании и жили рядовыми казаками в Алматинской станице. Тоже отдельная страница в истории Семиречья.

Художник и литератор Н. Н. Каразин скончался 6 декабря 1908 года в Гатчине, а похоронили его с воинскими почестями в Питере на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. На его могиле был установлен красный гранит, напоминающий скалы Нагорной Азии, с бронзовым барельефом живописца, под ним – мольберт и перо. Однако в советские годы его творчество было забыто, надгробье предано забвению. В более чем пятидесяти музеях и галереях, библиотеках и архивах мира (в том числе в библиотеке Конгресса США) хранятся его книги и дневники, полотна и этюды. В их запасниках по сей день лежат эти, адресованные нам, но так нами и не прочитанные каразинские «открытые письма» на память.

